

Глава 2

КОЛЛЕКЦИЯ КУКА–БЕМА. ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого куковская коллекция, как и в других музеях мира, владеющих такими коллекциями, является результатом научно-исторической реконструкции. Очевидно, в МАЭ все начиналось с копирования ученым хранителем Ф. К. Руссовым так называемой Описи Бема (подробнее см. ниже) на свободных страницах рукописного Журнала Этнографического музея [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 1]¹. Но точное время начала работы по воссозданию первоначального облика этой коллекции установить достаточно трудно. Сейчас можно уверенно говорить только о том, что о существовании в МАЭ океанийских коллекций, поступивших от участников третьего путешествия капитана Кука, стало известно (или вновь известно), по крайней мере, с конца 70-х годов XIX в.

Куковские гравюры из Библиотеки Академии наук XVIII в. Коллекция № 223

Итак, прямых письменных указаний, в каком именно году Руссов сделал первый шаг в своих разысканиях, пока не найдено.

¹ В начале XX в. дубликат этого журнала получил название «Журнал поступлений № 1» [МАЭ РАН. К-IV. Оп. 1. № 2]. Сама идея такого обозначения принадлежит Руссову. При упоминании Журнала Этнографического музея на одной из записей середины XIX в. он своей рукой сделал вставку «№ 1» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 5. Л. 26—27]. В отчете за 1855 г. его предшественник, хранитель (консерватор) Этнографического музея Л. Ф. Радлов, ссылался на данный журнал, именуя его «Каталогами Этнографического музея» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 29. Л. 20].

В сущности, единственным документальным свидетельством его приоритета в установлении факта наличия в МАЭ этнографических предметов из третьего путешествия Кука является его записка об обнаружении в 1893 г. девяти из пятнадцати гравюр Вильяма Ходжеса. Эти гравюры, идущие под первым номером в сопроводительном списке, именуемом «Опись вещам привезенным из Камчатки майором Бемом 1780 года» (Опись Бема), были подарены спутниками Кука начальнику Камчатки премьер-майору Магнусу Бему вместе с гавайскими, тонганскими и таитянскими вещами.

В записке Руссова от 1893 г. по поводу находки девяти гравюр есть упоминание о том, что ему удалось «почти сполна восстановить коллекцию Бэма, собственно Кука» (см. подробно: [Иванова 2005: 94 и далее]).

Обнаруженные Руссовым эстампы, составившие затем коллекцию № 223 при их передаче из Библиотеки ИАН в МАЭ в 1893 г., вместе с картой путешествия Кука 1778–1779 гг. были вложены в книгу: Cook (James). *A Voyage towards the south pole and round the World*. London, 1779. Vol I, II (уже в конце XIX в. без обложки и титульного листа). Отсюда можно предположить, каким именно образом Руссов обнаружил эстампы Ходжеса. Скорее всего, он ориентировался на запись в Журнале Этнографического музея под 1782 г.: “*Copie der Karte des Capt. Cook mit Bemerkungen des Sotnik Koblef*”. В скобках — примечание почерком Руссова: “*см. Cooks <... > 3^e Reise, Forster Bd. IV. Pag. 55*”. На полях мы находим его же пометку: «*Белыев II. Стр. 14. Вещи, доставленные Куком?*».

Дарение англичанами Бему «некоторых вновь обысканных островах карт» упоминал в своем рапорте Василий Шмалев¹ [Иванова 2005: 21]. Поэтому с точки зрения полноты списка вещей, переданных английскими моряками представителям русских властей на Камчатке, нас может интересовать также сама «карта капитана Кука», на копии которой некий «сотник Кобелев» ставил свои

¹ В литературе по истории МАЭ имя Кука упоминается также в связи с небольшой коллекцией предметов, поступившей в Кунсткамеру в 1782 г. через князя А. А. Вяземского. Этот факт принято связывать с записью Дж. Кинга о подарке Дж. Гора во время второго посещения Камчатки английской экспедицией в августе—октябре 1779 г. Экспедицию принимал капитан В. И. Шмалев, преемник Бема на посту Командира Камчатки. В настоящее время местонахождение этих предметов неизвестно.

пометки (Иван Кобелев, по данным Я. М. Света и С. Г. Федоровой [Svet, Fedorova 1978: 12]). По-видимому, это и есть та самая карта, которая была вложена в книгу вместе с девятью гравюрами Ходжеса. Судя по листу с пояснением на немецком языке и списку английских названий гравюр, до 1893 г. вместе с картой и гравюрами Ходжеса хранились и другие гравюры.

На рис. 1, представляющем собой транскрипцию указанного текста, показано, как на самом деле выглядит этот текст, опубликованный Л. А. Ивановой с подписью «Список девяти сохранившихся гравюр, составленный Руссовым на английском языке с преамбулой на немецком». Если быть точным, это не «список девяти сохранившихся гравюр», а описание всех бумаг, которые были найдены Руссовым вложенными в книгу с номером *IX Pd / I^o* в Библиотеке ИАН. Список гравюр Ходжеса предваряет перечень других эстампов, которые находились внутри книги. Указывается только первая (“*I^{ste}*”) гравюра с картой путешествий Кука в 1778–1779 гг. и последняя (“*letzte*”) с изображением белого медведя.

Можно даже утверждать, что «последняя» гравюра находилась на листе, вырванном из атласа с рисунками Дж. Веббера (Вебера) к изданию с описанием третьего путешествия Кука: “*Cooks voyage to the Nothern Hemisphere. Atlas. London, 1784*”. Гравюра с изображением белого медведя, сделанным в 1779 г. во время плавания в полярных областях в районе Чукотки, числится отсутствующей в экземпляре атласа, который в настоящее время хранится в библиотеке МАЭ. Поскольку слово “*gewesen*” было зачеркнуто, обе гравюры, “*erste*” и “*letzte*” (возможно, еще какие-то), в момент передачи оставались в упомянутой книге, причем это были листы именно с гравюрами из атласа, хранящегося в библиотеке МАЭ. Все материалы относятся к изданиям, посвященным третьему путешествию Кука.

Текст на листе со списком гравюр на английском языке сделан рукой не Руссова, но совсем другого человека, который занимался передачей гравюр из Библиотеки ИАН в МАЭ. Логично предположить, что этим человеком был академик К. Г. Залеман. Во всяком случае тот, кто составлял список, держал гравюры в руках, читая английские подписи под ними, но не всегда мог разобрать почерк, которым сделаны подписи. В двух случаях он дает варианты написания: *Oton* или *Oron*, *Janna* или *Tanna*, а слово “*Zealander*” читается им как “*Sealander*” (для человека, привыкшего читать и писать по-немецки, английское «*Z*» в подписи к гравюре № 8 выглядит именно

9 Kupfertafeln

Hineingelegt ~~gewesen~~ im das Werk:

IX Pd (III Reise von Cook Tafeln (auch s. Russow))

I^a Seine Titulo

darin 1^{ste} Tafel Karte 1778 & 1779 (v. NW Coast America)
and NO Coast Asia

letzte Tafel a white bear

Numeration u. Unterschriften des 9 Kupfertafeln

Mit Tinte

Mit Bleifeder

N 1 A Native of Otaheiti

N 2 Oton [oder Oron?] King of Otaheiti

N 4 A native of friendly isles

N 5 Natives of Caledonia

N 6 A Marquesa Man

N 8 A New Sealander

N 13 A native of Easter Island

Ohne N A native of Cape Horn

Ohne N A Native of Tanna [oder Tanna?]

.....

diese 9 Kupfer abgedruckt im Werk:

IX Pd

7

Cook (James). A Voyage towards
the south pole and round the World.

Vol I, II London, 1779. 4° 2o

Рис. 1

как «S»). Приписка внизу карандашом сделана, по-видимому, Руссовым, который добавил верхнюю перекладину к заглавной букве топонима, исправив «J» на «T» и перечеркнув в скобках “oder”. Руководствуясь неизвестным нам мотивом, в скобках под словом “Tanna” он поставил карандашом четыре точки.

Чернильные номера и карандашные подписи к гравюрам могут рассказать кое-что существенное о судьбе этого поступления. Поскольку описание производилось в стенах библиотеки до передачи гравюр в МАЭ, можно полагать, что к этому времени номера и подписи уже были на гравюрах, причем, вполне вероятно, датируются они концом XVIII в. Было бы логично считать, что карандашные надписи сделаны на борту английского корабля в момент передачи гравюр Бему. С одной стороны, начертания букв и соединения между ними кажутся сугубо английскими, с другой — небольшие опiski и исправления, свободное — даже небрежное — расположение на листах относительно самих изображений (подписи сдвинуты влево, чуть выше или чуть ниже относительно друг друга). Все это говорит о том, что подписи делались наспех. Например, окончательной подписи под гравюрой № 5 “Natives of Caledonia” (в буквальном переводе «Туземцы Каледонии»), на которой изображен один и тот же человек в фас и профиль, предшествует попытка написать “A Native of Caledonia” (первоначальное “A Na[tive]” перечеркнуто). В английском издании 1779 г. в тексте подписи к этой гравюре по рисунку Ходжеса значится “Man of New Caledonia”. Участники третьего путешествия Кука не могли иметь с собой издания с описанием второго путешествия, поскольку третье плавание началось в 1776 г., за три года до выхода в свет этой книги. У них были только необрезанные оттиски гравюр, подписи к которым они делали по памяти. Они смогли припомнить только имя таитянского «короля», путали число и пол островитян, изображенных на гравюрах.

Все номера, поставленные чернилами, стоят точно в правом нижнем углу гравюр. О том, что эти номера ставились уже в Кунсткамере, свидетельствует тот факт, что две из гравюр, “A Native of Cape Horn” и “A Native of Tanna”, не имеют номеров. Вероятно, по той простой причине, что лица, этим занимавшиеся, не могли уверенно сопоставить подписи с названиями гравюр в Описи Бема. Например, гравюра с подписью “A Native of Tanna” является одной из двух последних по списку, но неясно, какой именно, 14-й или 15-й (в Описи Бема сказано: «14 и 15, что оне значат, подписано карандашем по аглински»). Вероятно, номера были присвоены только тем гравюрам, русские названия которых являются калькой с английского. Можно догадаться, почему оставлена без номера гравюра “A native of Cape Horn”. В Описи Бема английской подписи соответствует строка, не являющаяся калькой с английского: «Житель

Фуежской Земли /: Terra del Fuego : /». Чиновник, регистрировавший коллекцию, не знал, что мыс Горн представляет собой оконечность Огненной Земли. Подобная трудность могла возникнуть и с гравюрой № 7, на которой изображена жительница Маркизских островов, ибо в Описи Бема она значится как «Дама того ж острова» (в альбоме Ходжеса тот же персонаж, вероятно, указывается как женщина с о-ва Санта-Кристина). Составляя свой список, Бем из разъяснений английских моряков, конечно, знал, о каком месте на карте Кука идет речь, но, поскольку он не пронумеровал гравюры, служащие академии просто не могли этого знать. Следовательно, у них возникло сомнение, о каком именно острове идет речь: «Маркезаде», «Приятном» или «Камедонии»? Вероятно, такого же рода вопросы возникли в отношении трех гравюр с изображениями видов островов и одной из двух последних по порядку в Описи Бема.

Трудность другого свойства связана с идентификацией гравюр с изображением «Оттагетской дамы» (№ 1 по Описи Бема) и «Оттагетского жителя» (“A Natives of Otahaiti”) (№ 3 по Описи Бема). Как замечает Л. А. Иванова, поставленный на листе с гравюрой “A Natives of Otahaiti” номер «1» свидетельствует о том, что изображение мужчины было ошибочно принято за изображение женщины [Иванова 2005: 106]. Всего известно пять изображений жителей о-ва Таити работы Ходжеса: четырех мужчин, короля Отона (О-Ту), пожилого человека Потатоу, двух молодых людей, Омаи и Одиди (на гравюре № 1 из МАЭ), и женщины с о-ва Улиетеа (Раиатеа). Из этого следует, что на исчезнувшей гравюре № 3 («Оттагетская дама») мог быть изображен юноша по имени Омаи. Напротив, «Девушка восточной Эйландии» из Описи Бема, согласно английской подписи под гравюрой, является «Туземцем острова Пасхи» (“A Native of Easter Island”). По-видимому, Бем не поверил английской подписи.

Сравним три списка с пометками о находке гравюр по порядку: 1) список в Описи Бема из Журнала Этнографического музея, 2) список гравюр Руссова из папки коллекции № 223 и 3) список английских подписей под гравюрами из той же папки. Таблица II иллюстрирует сложность не только истолкования рисунков, но и самого процесса обнаружения гравюр. Сначала были отмечены только семь гравюр, затем — восемь, и, наконец, составлен список из девяти ныне известных гравюр. Гравюру “Ohne # A Native of Tanna [øder Tanna?]” кажется более логичным сопоставить с пропавшим изображением «Оттагетского жителя».

Как можно видеть, во многих случаях сами англичане ошибались с подписями. Разглядывая рисунки Ходжеса, при незнании различий между мужской и женской одеждой, трудно определить пол изображенного объекта, даже если вы уверены, что на одном рисунке изображена женщина, а на другом — мужчина. Немудрено, что и в стенах Кунсткамеры возникли трудности с интерпретацией изображений на гравюрах.

Несуществующее географическое название «Восточная Эйландия» (по аналогии с «Лифляндия», «Эстляндия» и т.п.) происходит из ложного перевода с немецкого “Öster Eilandt” (голландец Якоб Роггевен в 1722 г. назвал открытый им остров Oster Eylandt), которое значилось в оригинальном списке гравюр, вероятно, составленном Бемом на немецком языке. Как известно, в Описи Бема после перечня 13 гравюр составителем была вставлена фраза: «Сим 13-ти эстампам приложено при оных описание на немецком языке». Ошибкой переводчика является и выражение «Камедонской житель» (вместо «Каледонской житель»). Немецкий оригинал, который предположительно еще должен сохраняться где-то в архивных делах Сената, вероятно, мог бы многое прояснить по поводу состава коллекции Бема.

Таким образом, отсутствие номеров на двух из известных нам гравюр объясняется теми трудностями, которые неизбежно должны были возникнуть перед людьми, жившими в Европе в XVIII в. и столкнувшимися с необходимостью интерпретировать явления чужой культуры с помощью противоречащих друг другу или принимающих двоякое истолкование текстов, да еще подвергнутых двойному переводу: с английского на немецкий и с немецкого — на русский. Не имея на руках издания 1779 г., сопоставить между собой разноречивые этнографические тексты на трех разных языках — задача непростая даже в наше время. Этим обстоятельством можно объяснить исчезновение нескольких гравюр, которые в процессе разгадывания, вероятно, переходили из рук в руки, от одного лица к другому, с одного стола — на другой. В этой связи следует обратить внимание на то, что, судя по манере написания значков «№», номера на гравюрах № 1, 2, 4 и № 5, 6, 8, 13 были поставлены разными людьми и в разное время. По-видимому, в самом начале, когда номера ставили на первых гравюрах, задача казалась достаточно простой, но затем, в ходе идентификации гравюр с номерами в Описи Бема, возникли непреодолимые трудности. Наиболее проблемные

гравюры были отложены в сторону, а порядковые номера были поставлены на гравюрах, вызывающих наименьшие сомнения. На этих гравюрах несколько позже были поставлены более высокие номера, но другой рукой. Из сказанного следует, что шесть исчезнувших гравюр могли быть отделены от девяти, найденных Руссовым в конце XIX в., еще при приеме коллекции в 1780 г., в момент передачи гравюр в Библиотеку Академии. Этот факт оставляет нам некоторую надежду обнаружить их в будущем в фондах Библиотеки Академии наук.

Итоги реконструкции этнографической части коллекции Кука—Бема. Проблема «второй» куковской коллекции

Переключим внимание на этнографическую часть коллекции Кука—Бема. Руссов писал: «Кажется, с самого начала происхождение куковского собрания было предано забвению. Это становится понятным, когда читаем в сопровождающем коллекцию письме от 19 марта 1780 г. князя Вяземского, как императрица предписала передать Кунсткамере камчатские предметы, привезенные майором Бемом. Но даже в журнале Комиссии отсутствует как имя Кука, так и указание относительно времени коллекции [представляющей], несомненно, выдающийся интерес» [Russow 1900: 34–35]. До сих пор удивительным считается исчезновение имени Кука из анналов Императорской Академии наук. Однако здесь нет ничего странного. Регистрируя вещи, служители Кунсткамеры пользовались сопроводительными документами, где имя Кука не упоминается. Удивительно другое — появление его имени в связи с коллекциями Кунсткамеры в 1800 г. на страницах книги О. П. Беляева «Кабинет Петра Великого». В первом издании 1793 г. такое упоминание отсутствует. Вероятно, подобные справки впервые стали наводить при подготовке ответа на запрос графа Раstopчина от 14 июля 1799 г. о серебряном сосуде, «который прислан из Англии для бывшего в 1779 г. в Камчатке областного начальника в знак признательности за ласковый прием и пособие кораблям Аглинским, в том году к Петро-Павловловском Порту пристававшим»¹ [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 63. Л. 2].

¹ Если не главным смотрителем И. Буссе, то Осипом Беляевым согласно его служебным обязанностям.

При постановке вопроса о воссоздании куковской коллекции 1780 г. все выглядит так, что якобы имя Бема неизбежно приводит к имени Кука. Судя по некоторым признакам, предшественник Руссова, Леопольд Радлов, служивший в Этнографическом музее с 1846 по 1863 г., уже знал о существовании Описи Бема. Тем не менее он связывал географическое название «Камчатка», содержащееся в самом ее заглавии («Опись вещам привезенным из Камчатки майором Бемом 1780 года»), с упоминанием в делах Императорской Академии наук о плавании в Ледовитое море купца Лобанова на трех судах, одно из которых впоследствии направилось к Камчатке. Во всяком случае, в Журнале Этнографического музея до 1865 г., то есть еще до вступления Руссова в должность консерватора, была сделана только одна выписка под 1780 г.:

“Sujeff teilt mit, dass die Brigantinen des Kaufmanns Lobanoff am 9^{er} Juli auf Entdeckungen ein Eis Meere ausgesegelt sind und sich schon nach den letzten Nachrichten an der Mündung des Jenisey befinden; eines will über die Waigatch Strasse nach Archangel, das andere nach der Lena und das dritte nach Kamtschatka steuern”.

Как писал Руссов, «через столетие уже никто не думал о Куке, пока как раз имя Бема не навело на след автора новейшего времени» [Russow 1900: 35]. Названный им временной интервал указывает на примерное время — конец 1870-х годов, когда Руссов, по-видимому, только начинал работу по восстановлению коллекции Кука—Бема. Заметим, что в книге Беляева поступление от майора Бема смешивается с поступлением от имени его преемника в должности начальника Камчатки капитана Василия Шмалева, которое датируется 1782 г.

Со слов Руссова можно понять, в каком порядке могли разворачиваться события. Вероятно, первоначально открытие состояло из двух этапов, чему соответствуют две одновременные записи Руссова на той же странице под 1780 г. В первой части записи фигурирует только имя Бема. Выписка из книги О. П. Беляева «По высочайшему повелению доставлены в К. К. разныя привезенныя из Камчатки Майором Бемом вещи и одеяния разных американских народов. Беляев П. Стр. 13» сопровождается двумя ссылками на издания, содержащие подробную биографию Бема. В первой сноске

приводится название “Ostsee-Provinzen Blatt” за 1823 г., во второй — «Сибирский вестник» (вып. V) за тот же год.

Из знакомства с биографией Бема Руссову становится ясно, что привезенные Бемом в 1780 г. вещи представляли собой отдельное поступление, связанное с именем Кука. Вследствие этого он делает выписку из первого издания книги Георга Форстера на немецком языке. Рядом с именем Бема появляется имя Кука («Коллекция Капитана Кука; опись см. л. 112 и след.»). В упомянутой выписке говорится, что после показа редкостей, собранных во время путешествия командой Кука, капитан Клерк “beschenkte ihr (Бема. — П.Б.) mit einer vollständigen Sammlung aus aller von uns besuchten Ländes” (рядом примечание: «См. опись на стр. 112»). Слово “ihr” подчеркнуто жирной чертой, слово “aller” — дважды. Как бы подводя итог, Руссов оставляет ремарку, акцентирующую научную и историческую значимость коллекции океанийских вещей, подаренных Бему. При этом он особенно настаивает на том, что Бем прибыл в Санкт-Петербург в феврале 1780 г., тогда как участники экспедиции 1776—1780 гг. вернулись на родину только в августе 1780 г. Следовательно, предметы, среди которых большая часть была привезена с только что открытых Сандвических (Гавайских) островов, стали первыми (подчеркнуто Руссовым) вещами такого рода, достигшими Европы.

Если не превращать образы Беляева и Руссова в иконы историографии, их вклад может показаться и более интересным, и более значительным. В сущности, открытие факта поступления в Кунсткамеру небольшого собрания от капитана Шмалева тоже является заслугой Руссова. По документам академии, эти вещи проходят тот же путь, что и поступление от Бема, — как переданные от князя Вяземского, но в отличие от описи 1780 г. реестр вещам 1782 г. не содержит имени собирателя. Запись в Журнале Этнографического музея под 1782 г. гласит: «Письмо кн. Вяземскаго с посылкою вещей, присланных из Чукотской земли». Видимо, первоначально Руссов связывал это поступление с именем Бема. В зачеркнутой сноске говорится: «см. Ostsee-Provinzen, Be[h?]m, p. 1823 — стр. 140. “Seine Rückkunft mit einem Transport von Seltenkeiten”». На следующей, пустующей, странице журнала есть две записи. Первая содержит выписку из книги Беляева: «В 1782 г. присланы в К. К. от его С^{ва} Кн. Александра Алексеевича Вяземскаго разныя вещи, собранныя славным путешественником Г. Куком в Чукотской земле и разных

островах (здесь мы находим знак вставки и примечание на полях «пропущено: “в проливах”». — П.Б.) между Азией и Америкой лежащих. Опись см.: л. 114». Ниже идет цитата из книги Георга Форстера, где говорится: “Als er (Capitain Schmalef, Behms Nachfolger) Tage darauf (s. 23 Sept. 1779) wider am Bord der Resolution eine Besuch erledigte, schenkte (wir) ihm Proben von aller Seltenkeiten, die wir auf unsere Reise gesammelt hatte”. Второй визит на Камчатку имел место после возвращения английских кораблей из плавания в северные широты, то есть как раз к «Чукоткой земле», «островам и проливам, между Азией и Америкой лежащим».

Записи в Журнале Этнографического музея свидетельствуют, что Руссов не сомневался в принадлежности этих вещей к сборам участников третьего путешествия Кука, целиком полагаясь на сообщение Георга Форстера о двух различных дарениях, Бему и Шмалеу. Между тем Л. А. Иванова верно отмечает, что Георг Форстер заимствовал рассказ о дарении этнографических вещей капитану Шмалеу из английского издания 1784 г. Иначе и быть не могло, поскольку Форстер не участвовал в третьем путешествии Кука. Она также права, когда говорит, что доктор Самвелл упоминал только о подарке лейтенанта Гора в виде «золотых часов, винтовки, ящика ножей и некоторого количества рома» [Иванова 2005: 287–293]. Действительно, в таком случае воспоминания лейтенанта Джеймса Кинга являются единственным источником по истории третьего путешествия Кука, в котором упоминается эпизод с дарением Шмалеу этнографических вещей.

Главный аргумент Л. А. Ивановой — отсутствие описания эпизода с дарением редкостей капитану Василию Шмалеу в издании Дж. Биглхола 1967 г. В связи с этим, как она выразилась, настораживает то, что в одной из работ А. Кепплер дана ссылка на издание 1784 г., а не на издание Биглхола. Вероятно, по мысли Л. А. Ивановой, издание 1967 г. должно считаться более ценным источником, чем издание 1784 г., только на том основании, что Биглхол «очистил» его от редакторских дополнений. Не очень понятно, почему внесение правки при издании дневников участников куковских экспедиций в конце XVIII в. делает их по определению ложным источником. По утверждению Л. А. Ивановой, факт дарения этнографических предметов Шмалеу, «как, впрочем, и ряд других данных», является вымыслом Джона Дугласа, первого издателя материалов третьей экспедиции Кука. Но, может быть, более кор-

ректно утверждать, что упомянутые дополнения делались самими участниками экспедиции, возможно, считавшими, что упустили какие-то детали в своих дневниковых записях? Позиция С. А. Корсуна, согласно которой капитану Шмалеву была подарена вторая этнографическая коллекция, но собранная не в южных широтах Тихого океана, а именно в районе Берингова пролива, кажется более правдоподобной с точки зрения соответствия архивным материалам [Корсун 1999а: 77].

Зачем первому издателю дневников Кинга вдруг понадобилось выдумывать дарение редкостей капитану Шмалеву, да еще вкладывать данное сообщение в уста самого автора? Существует список вещей, «сысканных в Чукоцкой Земле и на островах в проливе между Азией и Америкой» и поступивших в 1782 г. в Кунсткамеру вместе с письмом князя Вяземского (см. «Реестр присланным от Иркутскаго Губернатора Клички вещам» [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. № 27. Л. 51; № 37/38. Л. 2]). Наконец, есть хрестоматийно известное сообщение Беляева: «В 1782 г. присланы в Кунсткамеру от его Сиятельства Князя Александра Алексеевича Вяземскаго разные вещи, собранные славным путешественником Г. Куком в Чукотской земле и с разных островов между Азией и Америкой лежащих» (см. выше выписку Руссова в Журнале Этнографического музея. — П.Б.) [Беляев 1800, II: 14].

Книга Беляева и в наше время остается единственным письменным указанием на появление в Кунсткамере коллекции Шмалева из сборов участников третьего путешествия Кука. Ясно, откуда у него сведения о составе коллекции. Из письма князя Вяземского. Однако совершенно неясно, почему он указывает на Кука в качестве собирателя «разных вещей». Вспомним сюжет с историей находки Руссовым эстампов Ходжеса в предыдущем разделе. Выше мы уже говорили об одном поступлении в Кунсткамеру в 1782 г.: “*Copie der Karte des Capt. Cook mit Bemerkungen des Sotnik Kobelef*”. Там же есть упоминание о дарении англичанами Бему «некоторых вновь обысканных островах карт», о чем сказано в рапорте В. И. Шмалева на имя генерал-прокурора Сената князя А. А. Вяземского (рапорт цитируется Л. А. Ивановой [Иванова 2005: 21]). Таким образом, в распоряжении Беляева были документы или устные сведения (помимо известного письма Вяземского), позволяющие связать поступление 1782 г. с именем Шмалева, с одной стороны, и с именем Кука — с другой. Здесь следует предупредить читателя, что, поскольку

предметом нашего исследования являются океанийские вещи, нас устраивают оба варианта: либо дарения Шмалеву вообще не было, либо, если оно имело место, в него входили только чукотские вещи.

В последнем случае нам нисколько не помешает допущение, что чукотские вещи, попавшие в Кунсткамеру в 1782 г., были собраны во время экспедиции на Чукотку в 1779 г. братом Василия Шмалева, Тимофеем, а возможно, и тем самым Иваном Кобелевым, который в том же 1779 г. высаживался на островах Диомида [Svet, Fedorova 1978: 12–13]. Тогда в состав маленькой коллекции 1782 г. могли войти и эскимосские вещи. По крайней мере это объясняет упоминание в списке вещей, присланных Вяземским, губных втулок («...носят Зубатые народы у губ своих в прорезанных на то нарочных дырах»).

Отвлекаться на изучение вопроса о «коллекции Шмалева» нам приходится постольку, поскольку в литературе встречается другая крайность, выражающаяся во мнении, что коллекция, подаренная Шмалеву, как по количеству, так и по разнообразию вещей могла дублировать коллекцию, подаренную Бему, и тоже была доставлена в Санкт-Петербург.

Как пишет Кинг, капитану Шмалеву были преподнесены «образцы всех наших редкостей» (“specimens of all our curiosities”) [Cook 1785, III: 30]. Н. З. Климова пришла к выводу, что в состав коллекции входили вещи, собранные во всех географических пунктах, которые корабли Кука посещали на протяжении всего путешествия [Климова 1984: 163]. Однако, поскольку подарок был сделан после возвращения кораблей экспедиции из плавания вдоль побережья Чукотки, более логично считать, что «все» собранные образцы были чукотского происхождения.

С. В. Дмитриев рассматривает гипотезу о дарении капитану Шмалеву океанийских вещей на фоне доклада заведующего Этнографическим отделом Русского музея С. И. Руденко на заседании 18 июня 1922 г. В докладе коллекция, переданная в отдел в 1907 г. из Царскосельского Арсенала, названа «коллекцией Кука» [Дмитриев 2011: 77; 2012: 372]. Опираясь на мнение Руденко, С. В. Дмитриев в качестве доказательства связывает между собой два факта: отсутствие сведений о судьбе «второй этнографической коллекции» Шмалева (согласно статье Н. З. Климовой) и отсутствие документов, раскрывающих происхождение коллекции из Царскосельского Арсенала [Дмитриев 2011: 77; 2012: 372]. На этот счет возможны два

возражения. Во-первых, в данном случае мы имеем дело с софизмом, когда за доказательство принимается его отсутствие. Во-вторых, еще в 1999 г. была опубликована статья С. А. Корсуна, которая доказывает неокеанийский состав коллекции Шмалева.

Единственным доводом в пользу гипотезы о существовании «второй» океанийской коллекции выступает относительная древность коллекции из Царскосельского Арсенала. В сопроводительном списке есть примечание: «Оружие и вещи начиная от № 1 до 25 подарены Ея Величеством Императрицей Марией Федоровной 6-го ноября 1825 г.» [Каталог редкого старинного и восточного оружия 1840: 219–221]. Как можно судить, в конечном счете именно раннее происхождение рассматриваемой коллекции вкупе со сведениями, почерпнутыми из книги Беляева, послужило для С. И. Руденко основанием считать ее «коллекцией Кука» (см.: [Руденко 1910: 155–156]). Ссылки на совпадения между географией данной коллекции и географией третьей экспедиции Кука малоубедительны. Подобные совпадения в списке географических названий носят локальный характер. Если же брать царскосельскую коллекцию в целом, то она полностью укладывается в схему маршрутов русских кругосветных плаваний первой четверти XIX в. Для истории океанийских коллекций МАЭ это особенно важно. В 1938 г. рассматриваемая коллекция была передана из Государственного этнографического музея в МАЭ и зарегистрирована под № 5754.

В целом наш повышенный интерес к теме «второй» океанийской коллекции экспедиции Кука 1776–1780 гг. объясняется очень просто. Пока существование такой коллекции допускается хотя бы гипотетически, идентификация предметов из коллекции № 505 путем сопоставления с Описью Бема не является документально установленным фактом.

В нашем случае даже не имеет значения, кто именно собрал коллекцию, переданную в Кунсткамеру в 1782 г. Поскольку в подобных реконструкциях одним из основных является метод исключения, для нас должно иметь смысл только то, что, согласно документам (то есть отсутствию таких документов), «второй» океанийской коллекции Кука в Кунсткамере никогда не существовало. Для Руссова несуществование «двойника» коллекции Кука–Бема было настолько очевидным, что он вообще не строил никаких версий, в рамках которых учитывался бы подобный фактор. Имеется список чукотских предметов, но не существует «второго» списка

океанийских предметов. Таким образом, дарение английскими моряками этнографических предметов Шмалеву, возможно, и не является вымыслом, но при условии их чукотского происхождения.

Согласно утверждению Л. А. Ивановой, одним из источников поступления океанийских вещей в XVIII в. могла быть экспедиция И. И. Биллингса. Подобная возможность обосновывается упоминанием Руссова о вещах, «привезенных капитаном Биллингсом с побережья Берингова и островов Южного моря» [Russow 1900: 17]. «К сожалению, — пишет Л. А. Иванова, — эта океанийская часть полученной коллекции до сих пор не идентифицирована» [Иванова 2005: 293]. Однако проблема идентификации океанийских вещей, привезенных Биллингсом, не существует хотя бы в силу того факта, что из экспедиции Биллингса не поступало никаких океанийских вещей. Последнее противоречило бы вполне доступным по литературе сведениям о районах посещения этой экспедиции. Наконец, список вещей, которые поступили от имени капитана Биллингса, всем специалистам должен быть хорошо известен: «Опись Уборам, одежде, орудиям и прочим капитаном Биллингсом присланным мелочам» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. № 9. Л. 381—384]. В нем перечисляются вещи только из районов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки, что, безусловно, соответствует маршруту «секретной экспедиции». Тот факт, что Биллингс участвовал в третьем путешествии Кука, сам по себе никак не может опровергнуть содержание указанного списка.

С точки зрения достаточно строгих порядков Академии наук весьма неправдоподобно выглядят и слова об океанийских предметах из экспедиций Кука, «тем или иным путем попавших» в Кунсткамеру (см.: [Иванова 2005: 293]). Любые предметы поступали в собрания Академии наук («Академический Кабинет») только одним путем: сначала представление вещей на заседании Конференции Академии наук, затем поручение «кому следует» поместить их в собрания академии с занесением в каталоги. Приведем в качестве примера только один протокол, касающийся приема предметов, привезенных экспедицией Биллингса: «Конференция приняла их («редкости естественные и искусственные» из экспедиции Биллингса. — П.Б.) с величайшей признательностью и, осмотрев их со вниманием коего они заслуживают, вручила вместе с копией Каталога Младшему смотрителю (Sous Intendant. — П.Б.) академических Кабинетов господину Буссе с тем, чтобы он поместил их незамедли-

тельно в академический Музей» [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. № 9. Л. 331]. Таким образом, возможность «попадания» в Академию наук каких-либо поступлений, даже состоящих из единичных вещей, без подробного документального оформления была практически исключена.

Представление о собственной концепции Руссова к началу 1890-х годов относительно того, какие именно предметы принадлежали к коллекции Кука—Бема, можно составить путем изучения Путеводителя 1891 г. [Путеводитель 1891: 41–55]. Полужирным шрифтом нами выделены наименования предметов, которые Руссов сопоставлял или, наоборот, не сопоставлял с поступлением 1780 г.:

<...>

Стен. витр. 43. О-ва Сандвичевы. **Перьяная накидка, почетная древняя одежда начальствующих лиц; разная достоинства обозначались различною длиною накидок.**

На шк. 45. с о-в Сандвичевых, сосуды из тыкв.

Шк. 45. О-ва Сандвичевы. Почетный шишак или шлем и плащ из разноцветных перьев, и украшенный перьями жезл, посланные в 1807 г. королем Камеамеа I в знак особого уважения гл. правителю Русских колоний в с.-З. Америке Баранову; **разная перьяная накидки и опахала.**

Вит. 47. п. **Предметы с о-в Сандвичевых (большею частью из 3-го путешествия капитана Кука). Веера плетеные, браслеты выточенные из раковин; браслет из кабаньих клыков; подколенное украшение из собачьих клыков прикрепленных к сетке; черные шнурки, которыми обматывают шею; черные шнурки с подвешенными раковинами, носимые на шее; ожерелья и браслеты из превешенных к шнуркам перломутовых шнурков; сетка, в которой носят кокосы. Острова Тонга и Дружбы — 2 деревянные гребенки, 2 плетеные корзинки и деревянное изголовье в виде скамейки. С разных островов — плетеный пояс с уборкою из крашенных листьев; нитка бус из сушеных плодов и пронизок из раковин; жемчужная раковина с двумя трубчатыми привесками; травяной передник (о. Самоа); **травяные опахала, украшенные перьями;** кокосовая чарка, покрытая красивою резьбою.**

— л. С Маркизских и соседних островов. Деревянное ожерелье (было крашено красными семенами); два мужских шейных украшения из кабаньих клыков; 2 костяные серьги; веера плетеные, один с резною костяною ручкою; ожерелья

и длинная нитка нанизанных мелких раковин; **передник из перламутровых пластинок с о. Таити (Кук).**

Внизу разная посуда и домашняя утварь с разных островов Полинезии и Микронезии. На стене у витр. 47 деревянные копыта Новозеландцев и луки с разных островов.

Шк. 46, вверху два деревянных колошенских шишака, в виде звериных голов, добытых — правый с Маркизских, левый с Сандвичевых островов.

Посредине метательные копыта с остриями из зубчатых игл ската (о. Жильберта); деревянные палицы; 2 два деревянных кистеня с шарообразными шишками, употребляемых также как метательное оружие, и 2 в виде поперечных топоришков (о. Фиджи); **Оружие в виде пилы с зубьями из акуловых зубов, употреблялось для разрезания тел людей, приносившихся в жертву, с о. Сандв. (Кук).** Подобные резные оружия в прежние времена были в употреблении также у Новозеландцев.

На право **топоры с лезвиями из раковин и камня с разных островов.**

На лево бумеранг и кистени с плоскими концами (пэту-пэту) из кости и камня (Нов. Зеландия); кинжал из 3 игл рыбы ската, прикрепленных к деревянной ручке (о. Каролинские и Жильберта); плетеные козырьки для защиты глаз (о. Таити); **деревянные крючки для ловли акул** (о. Жильберта, Эллис и Сандвичевы).

<...>

Внизу иглистая рыба кожа, от которой\ой мелкия куски прикрепляются к рыболовной леске вместо уд, и тоненькия плетеные рыболовные морды, употребляемые женщинами и детьми (о. Каролинские); **2 круглых плоских камня, для игры (о. Сандвичевы).**

<...>

Витр. 38 **Воротники или накидки с о. Таити (Кук), верхняя из одних черных перьев, две остальные украшены рядами акуловых зубов, перламутровыми кружками и волосяною бахромою (редкости).**

<...>

Внизу деревянные песты с рубцами для обработки древесной коры...

<...>

Две **носовые флейты**, в которых дуют поочередно одною из ноздрей, с о-в Самоа...

<...>

Точкой отсчета начала истории реконструкции куковских коллекций может стать одно место из книги Л. фон Шренка, где речь идет о гавайском каменном тесле № 505-28. В статье Э. Джильоли, вышедшей еще в 1893 г. и переизданной А. Л. Кепплер в 1978 г., говорится, что в «Музее Академии наук в Санкт-Петербурге» находится гавайский каменный топор, приобретенный во время третьего путешествия Кука и подаренный «губернатору» Камчатки майору Бему в мае 1779 г. членами третьей экспедиции Дж. Кука, и что рисунок этого топора, на котором сохранилась этикетка Бема, был опубликован в книге Л. фон Шренка, посвященной народам Амура [Giglioli 1978: 148]. По всей видимости, речь идет о текстовой этикетке XVIII в. «№ 48. Каменный топор от Бема», позже вклеенной в опись № 505. В 1893 г. ссылка в статье Джильоли могла быть сделана только на труд Шренка “Reisen und Forschungen in Amur-lande in den Jahren 1851–1856” издания 1881 г. [Schrenk 1881: 509].

Воспользуемся переводом книги Шренка на русский язык, где соответствующий рисунок «изображает долбильный топор туземных жителей островов Отаити, относящийся ко времени третьего путешествия Кука» [Шренк 1899: 197]. В примечании сказано следующее: «Упомяну здесь мимоходом, каким образом этот долбильный топор (Hohlaxt, по немецкому изданию. — П.Б.), а равно и некоторые другие предметы, собранные во время того же путешествия Кука, попали к нам в музей. По смерти Кука его во главе экспедиции заменил капитан Клерк. Он с Сандвичевых островов прибыл в Камчатку и бросил якорь в Петропавловской Гавани. Там его встретил самый радушный прием. Краем тогда управлял майор Бем. Клерк в благодарность за оказанное ему гостеприимство подарил майору часть “достопримечательностей”, собранных экспедицией на островах Южного Океана (ср.: Tagebuch einer Entdeckungsreise nach der Südsee in den J. 1776–1780 unter Anführung der Cap. Cook, Clerke, Gore und King, übersetzt v. J. R. Forster. Berlin, 1781. P. 321). Бем, снабдив их собственными ярлыками, принес эти предметы в дар русскому правительству в Петербурге, а то в свою очередь передало их в Академию наук» [Шренк 1899: 197].

Поскольку Шренк вряд ли мог получить эти сведения от кого-либо другого, кроме Руссова, последний полагал, что надписи на рукописных текстовых этикетках XVIII в. были сделаны самим Бемом. Данной версии на каком-то этапе придерживалась и Е. Л. Петри, судя по сделанной ею пометке «Почерк Бёма. Е. Петри» на

этикетке «№ 4. Одеяло из шерсти небровой» (предмет № 2520-5) [Иванова 2005: 91]. Следовательно, начало атрибуции предметов из коллекции Кука—Бема (1780 г.) связано с ошибочной интерпретацией рукописных этикеток, которые сотрудники МАЭ в конце XIX в. принимали за этикетки Бема. Рациональное зерно этого заблуждения состоит в феномене так называемой «неотделимой случайности». Если речь идет именно об океанийских предметах, этикетки указанного типа могли оказаться только на вещах из коллекции 1780 г. К сожалению, если подобные этикетки считать признаком куковского происхождения вещей из МАЭ, к ним должна быть отнесена и тлинкитская накидка № 2520-20, а по аналогии с ней — несколько других подобных вещей, что в некоторых условиях, бесспорно, способствует оживлению концепции «второй» куковской коллекции.

В статье Л. Г. Розиной 1966 г., переведенной на английский язык в 1978 г., к вещам из поступления 1780 г. причисляются четыре тлинкитские шерстяные накидки и две перьевые накидки индейцев Калифорнии. Как писала Л. Г. Розина: «Одновременно с предметами из Полинезии М. Бемом были получены от капитана Кларка шесть плащей индейцев Северной Америки (тлинкитов), которые хранятся в Музее в отделе “Америка” под коллекционным № 2520» [Розина 1966: 235; Rozina 1978: 3]. Никаких указаний на то, каким путем она пришла к такому выводу, в цитируемом тексте нет.

Результаты исследования по идентификации этнического происхождения накидок № 2520-8, 9 (индейцы конкоу, по мнению Е. А. Окладниковой) и имени собирателя (И. Г. Вознесенский), опровергающие их принадлежность к куковскому поступлению, были опубликованы Е. А. Окладниковой в 1996 г. [Окладникова 1996: 163]. Правда, здесь надо отметить, что впервые накидка № 2520-8 была определена как калифорнийская вещь в 1981 г. американским исследователем Вильямом Статевантом (William Sturtevant). Его мнение было подтверждено Салли Маклендон (Sally McLendon), которая идентифицировала эту накидку как происходящую с побережья Калифорнии и являющуюся вариантом более известного типа накидок речных патвин или нинесан (см.: [Kaerpler 1983: 94, 97]).

В 1999 г. появилась уже упоминавшаяся выше работа С. А. Корсуна «К вопросу о происхождении тлинкитских накидок из коллекции Дж. Кука». В ней, в частности, говорится: «Теперь, после того

как нам стали известны оба списка предметов, полученных от участников третьей экспедиции Дж. Кука, можно с полной уверенностью сказать, что тлинкитские накидки из коллекции № 2520 не относятся к сборам участников этой экспедиции» [Корсун 1999а: 76].

Действительно, в своих выводах Л. Г. Розина, как и ее предшественники С. А. Штернберг и Р. С. Разумовская, использовала в качестве источников старинные этикетки и книгу О. П. Беляева «Кабинет Петра Великого» 1800 г. издания, которая в ее статье упоминается как «каталог бывшего Музея Натуральной истории Петра Первого (Кунсткамера)». Опись Бема 1780 г. осталась за рамками исследования Л. Г. Розиной.

В поле зрения исследователей куковских коллекций Опись Бема попала, или должна была попасть, только в 1978 г. благодаря публикации Я. М. Света и С. Г. Федоровой в журнале “Pacific Studies” [Svet, Fedorova 1978: 1–19]. Первой на эту публикацию откликнулась американская исследовательница А. Л. Кепплер. Изучив перевод Описи Бема, она высказала ряд следующих положений: «До сих пор (over the years), по-видимому, всех исследователей как в России, так и за рубежом вводила в заблуждение опись музея в Ленинграде, согласно которой коллекция 2520 принадлежит майору Бему <...> Я сожалею, если моя работа [прошедших лет] могла способствовать поддержанию этого мифа. Так как мы продолжаем совершенствовать документальные данные, я верю, что теперь мы можем утверждать, что, по всей вероятности, в коллекции Кука/Бема из Ленинграда нет американских накидок. Однако остается вопрос, почему коллекция 2520 первоначально приписывалась майору Бему» [Kaeppler 1983: 95].

Статья С. А. Корсуна 1999 г. фактически является заочным ответом на вопрос Кепплер. Как уже сказано, все дело заключается в пометке Е. Петри на одной из этикеток, сделанных из разрезанных игральные карт: «Почерк Бема» (см.: [Корсун 1999а: 76]). Л. А. Иванова подчеркивает, что Корсун в 1999 г. пришел к тому же выводу, что и она в 2005 г. Далее она пишет: «Как бы там ни было, эта запись Е. Л. Петри стала той почвой, на которой вырос один из фундаментальных мифов МАЭ о существовании в куковской коллекции шести североамериканских шерстяных и перьевых накидок» [Иванова 2005: 91]. Немного жаль, что идея исключения из коллекции Кука–Бема тлинкитских и калифорнийских накидок с помощью Описи Бема была опубликована Адриенн Кепплер еще в 1983 г.

Коллекция № 505. Опись Е. Л. Петри (1899/1903)¹

Коллекция № 505, которую можно считать именной, или штатной, куковской коллекцией МАЭ, приняла современные очертания в конце 90-х годов XIX в., включив в себя 33 предмета. Первую регистрацию этой коллекции проводила Е. Л. Петри, служившая в МАЭ в должности младшего этнографа. В качестве шаблона при составлении в 1899 г. описи № 505 ею использовалась копия Описи Бема в Журнале Этнографического музея. В своем анализе она опиралась на достаточно простой метод опознания куковских вещей, до нее вполне успешно применявшийся Руссовым, о чем свидетельствуют его пометки на вещах и старинных этикетках, а также навесные этикетки его собственного изготовления (факты такого рода приводятся Л. А. Ивановой [Иванова 2005: 57; 2007: 22–24]).

Метод Руссова по умолчанию включает следующие элементы: 1) сопоставление с Описью Бема; 2) сопоставление с рукописными этикетками XVIII в. («этикетками Бема», по первоначальной версии); и 3) сопоставление с маршрутом третьего путешествия Кука (Тонга, Таити, Гавайи). Видимо, для того чтобы провести границу между куковскими предметами и предметами, которые могли поступить из кругосветных путешествий российских мореплавателей, Руссов также сопоставлял Опись Бема с книгой О. П. Беляева «Кабинет Петра Великого». Результаты работы по воссозданию известной части коллекции Кука—Бема запечатлены в виде многочисленных пометок и исправлений на Описи Бема в Журнале Этнографического музея. Разумеется, при составлении таблицы III нас интересовали прежде всего те отметки, которые в наибольшей степени отражают процесс подбора предметов при реконструкции коллекции № 505.

¹ Л. А. Иванова пишет о «неустановленном составителе основной части Инвентарного списка № 505» [Иванова 2005: 139]. Между тем почерк Е. Л. Петри достаточно хорошо узнаваем.

Таблица III

	Опись Бема (по журналу Этнографического музея)	Пометы Руссова	Пометы Петри	
			№ колл. № 505	№ этикеток XVIII в.
		Страницы в книге Беляева 1800 г.		
2.	Камчадалское праздничное самое лучшее платье, парка называемое, которое носят мужч. и женщ.	(Беляев П.229)		
3.	Кожа Камчатск. Водяного зверя нерпа, снятая таким образом, что онадувать можно.	X		
4.	Сеть рыболовн. из лык, употребляемая у жителей приятного острова, которой лежит под 22 град. от сев. к югу и не принадлежит никакому владению.			
5.	Деревянная подушка на 4 ^х ножках на подобие скамейки.		1	47
6.	Каменной топор с деревянным топорщиком.		28	48
7.	Опахало из черных длинных перьев на подобие метлы.	(см. Беляев П.229.)	2	38
8.	Опахало круглое, пестрое, из мелких перьев красного и желтого цвета.		3	39
9.	Опахало перьяное плоское.		4	40
10.	К ним палочка с круглым деревянным набалдашником.			
11.	Деревянной кинжал сверху украшенной звериным хвостом.		6	
	<u>Убор владельца Приятного острова которого там называют Королем:</u>			
12.	Шишак из черного мелкого перья, украшенный желтым.	(см. Беляев П.229.) X	7	

Продолжение таблицы III

	Опись Бема (по журналу Этнографического музея)	Пометы Руссова	Пометы Петри	
			№ колл. № 505	№ этикеток XVIII в.
		Страницы в книге Беляева 1800 г.		
13.	Перьяной ошейник.	(см. Беляев II.229.)	8	
14.	Перьяная ментея.	(см. Беляев II.229.)	9	
15.	Деревянная булава с резьбой.			
16.	Перьяной нагрудник обложен- ной белым мехом на подобие бахрамы.		10	48
17.	Деревянный кинжал.		33	
	Убор солдатский того острова			
18.	Шпак из мелкого желтого и красн. перья.	X	11	
19.	Ментея из мелкого желт. и красн. перья.	X	12	
20.	Ошейник из такого же перья.		13	44
21.	Кушак плетеный из коренья.	X		
22.	Нагрудник из синяго перья обложенный белым мехом на подобие бахромы.			
23.	Мушельный нарукавник.	X		
24.	Нарукавник из красных мелк. перьев с выведенными фигурами желт. цвета.	(Бел. II.229.)	15	46
25.	Нарукавник из звериных клыков.	(см. Беляев II.229.)	16	52
26.	Деревянный кинжал с лопаткою, которая обложена острыми зубами.		5	52
27.	14 кусков материи, на подобие набойки и холста, из лык деланной.	(см. Беляев II.229.)		
28.	Деревянной валиок, которым делают таковыя материи.	Бел. II. с. 238. X	29	53

Продолжение таблицы III

	Опись Бема (по журналу Этнографического музея)	Пометы Руссова	Пометы Петри	
		Страницы в книге Беляева 1800 г.	№ колл. № 505	№ этикеток XVIII в.
29.	Ковер из травы плетеный.		30	
30.	Намет двойной для палатки из темновишневой и желтой лычаной материи.	X		
31.	Три зер зефира из красн. и желт. перьев.		17,18,19	
32.	Низка корольков.		34	
33.	Перломутовый женской передник, из мелких продолговатых плоских штучек.	(Бел. II.229.) X	20	58
34.	Два травяные и третий деревянн. гребни.		21,22, 23	
35.	5 уд из коих одна деревянная большая и 4 костяных по меньше.	X	24, 25, 26	
36.	Деревянная черная лопатка.			
37.	Инструмент на подобие гребешка, которым жители Приятн. острова высекают на своих лицах разные для украшения узоры.	Бел. II. с. 228. 12 X	27	
38.	Киса.	X	32	
39.	Несколько ниток разного бисера.			
40.	Круглый черный маленький камень на котором растирают краску.			
41.	2 музык. инструмента из тростяных трубок.			
42.	Травяная решеткою выплетенная женск. епанечка			
	Веревка сплетеная из жил.			

Окончание таблицы III

	Опись Бема (по журналу Этнографического музея)	Пометы Руссова	Пометы Петри	
			№ колл. № 505	№ этикеток XVIII в.
		Страницы в книге Беляева 1800 г.		
44.	Алеутская рубашка из пузырей.			
45.	Два ножа сделанные от ^{г^{на}} Бема из камчатского железа для пробы.			
	<u>В маленьком ящике</u>			
46.	Модель алеутской байдары.			
	<u>В длинном футляре</u>			
47.	Королевское копье.			
48.	Королевская охотничья стрела.			

Таким образом, изучая пометы и примечания на копии Описи Бема в Журнале Этнографического музея, можно выделить несколько этапов реконструкции коллекции Кука–Бема, проводившейся в конце XIX — начале XX в. Первый этап связан с исследованиями Руссова, возможно, еще до издания Путеводителя 1891 г. Этот этап обозначают пометки на копии Описи Бема в Журнале Этнографического музея, ссылки на книгу Беляева (например: «см. Беляев II. 229») и/или косые крестики, сделанные карандашом. В качестве иллюстрации воспроизведем два места из книги Беляева.

«...Деревянной валюк с вырезанными вдоль его полочками, которой Американцы употребляют при выделывании материй из древесной корки <...> 12) Железный инструмент на подобие гребешка, которым жители Приятного острова высекают на своих лицах разныя для украшения узоры...» [Беляев 1800, II: 238].

«Самое нарядное Камчадалское платье, сшитое из весьма мелких клинообразных белых и черных лоскутков, вырезанных из шкурок молодых животных, которое около ворота, рукавов и вокруг подола вышито разными узорами в ладонь шириною наипрекраснейшим образом, и опушено самым лучшим Камчатским бобром, около четверти шири-

ною <...> Две мантилии составленные из прелестнейших желтых и красных попугаевых перьев. Три разного вида опухала, сделанных из разноцветных попугаевых же и других птиц перьев. — Два шишака, выплетенных из тонких древесных волокон, и украшенных сверху разноцветными попугаевыми перьями. — Два ошейника, состоящих из таковых же разноцветных перьев. — Три запястья, из коих одно сделано из мелких раковин, другое из звериных клыков, а третье из самых мелких перьев, с выведенными на нем желтыми фигурами. — Женской нагрудник составленной наипрекраснейшим образом из самых мелких, продолговатых и плоских перламутровых штучек. — Несколько кусков разноцветной материи, на подобие холста и набойки выработанной из некоего Американского дерева столь чисто, нежно и тонко, что при взимании в руки многие из зрителей принимают ее за материю бумажную...» [Там же: 228–230].

Выводы Руссова основывались преимущественно на изучении этикеток XVIII в. («Из Камчатки от Бема» или «Амер. от Бема»). Об этом говорят его надписи, касающиеся атрибуции предметов. В тех случаях, когда этикетки были утрачены, Руссов пользовался методом подбора, связывая известный ему предмет напрямую с той или иной строкой Описи Бема (вероятно, при условии, что этот предмет по своим характеристикам соответствовал маршруту третьего путешествия Кука). Что же касается косых крестиков карандашом, об авторстве Руссова по закону исключения третьего можно судить по отсутствию соответствующих предметов в Описи Петри.

Второй этап, начинающийся, видимо, после 1891 г., связан с появлением навесных этикеток некустарного изготовления со стандартными надписями вроде: «Бем 1780 N 18» (предмет № 505-11). Иногда такие надписи делались Руссовым прямо на предмете (см. предмет № 505-6). На некоторых старинных этикетках, вклеенных в опись коллекции № 505, можно также найти пометки Руссова, отсылающие к книге Л. Хориса или к первому изданию дневников третьего путешествия Кука. Если все это собрать воедино, присовокупив отдельные данные из Путеводителя 1891 г., не будет особого труда составить список предметов МАЭ, которые Руссов — не всегда безошибочно — включал в коллекцию Кука–Бема (см. «Список экспонатов, идентифицированных Руссовым», в статье Л. А. Ивановой 2007 г. [Иванова 2007: 24–25]).

Здесь уместно сделать два замечания. Первое касается атрибуции деревянного гребня № 505-21. Л. А. Иванова считает возможным включить этот предмет в состав коллекции Кука—Бема, но не столько на основании самого наличия этикетки XVIII в. «№ 56 Гребень деревянный / Из Камчатки от Бема», сколько на основании надписи на нем, сделанной рукой Руссова: «*Alaska ?? B. L 1897*», связывая ее с именем Феликса фон Лушана, посетившего МАЭ в 1897 г. [Иванова 2005: 223]. Однако надпись, которую она читает как “von Luschan” («фон Лушан»), расшифровывается скорее как “von Behm” («от Бема»), учитывая, что заглавная латинская буква «В» при написании готическим почерком по своим очертаниям близка к латинской «L»¹. Второе замечание относится к строке «Воротники или накидки с о. Таити (Кук), верхняя из одних черных перьев» в Путеводителе 1891 г. (см. выше). Л. А. Иванова права, когда говорит, что данный предмет не имеет соответствия в Описи Бема [Иванова 2007: 14, 25]. Накидку «из одних черных перьев» следовало бы отождествить с маркизским головным украшением № 736-227.

Интересен факт объединения Руссовым предмета № 736-227 с предметами из коллекции Кука—Бема. Изображение точно такого же предмета мы находим в Собрании карт и рисунков Ю. Ф. Лисянского (1812) под вокабулой «Вещи, принадлежащие жителям островов Сандвичевых» [Собрание карт и рисунков 1812: Рисунок II]. Однако этот предмет никак не «вмещается» в реестр вещей, отданных Ю. Ф. Лисянским в Музей Академии наук в конце декабря 1806 г. Не находится ему соответствия и в сопроводительных списках коллекций П. В. Повалишина и Ю. Ф. Лисянского, переданных в 1806 г. в Музеум Адмиралтейского департамента [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 762. Л. 2, 4]. Упоминаний такого рода нет и в каких-либо других списках указанного Музеума, все собрания которого после его расформирования поступили, как известно, в Академию наук. И это

¹ В работах Л. А. Ивановой имя Лушана встречается не однажды. Так, против строки «Опахало из черных длинных перьев на подобие метлы» в копии Описи Бема в Журнале Этнографического музея Руссовым сделана карандашная пометка: “Kahili, Fliegenwedel” / “Sandwich I. oder [Fre] undschaf[t]”. По мнению Л. А. Ивановой, эта пометка (вторая ее часть) читается иначе: “Kahili, Fliegenwedel Sand[wich] Is. Dr. von [Lu]schan” (см.: [Иванова 2007: 11–20]).

при том, что в первой четверти XIX в. экспедиция И. Ф. Крузенштерна (1803–1806) была единственной русской экспедицией, заходившей на Маркизские острова. Также известно, что участники второго путешествия Кука привозили с Маркизских островов головные уборы такого типа (см.: [Каерплер 1978а: 165–166]). Здесь круг замыкается, поскольку в Описи Бема подобный предмет не упоминается. Таким образом, появление в старинных собраниях МАЭ маркизского головного украшения № 736-227 пока остается исторической загадкой.

Третий этап реконструкции коллекции Кука–Бема наступает с приходом в МАЭ Е. Л. Петри, что довольно точно датируется ее записью по поводу предмета № 505-5: «№ 5. По определению проф. Лушана из Берлина (1897) с ос. Гавайи» (см. описание коллекции № 505). Первоначально, при составлении описи в 1899 г., в ней значилось только 29 предметов. Предметы, идущие под номерами 30, 31, 32 и 33, по-видимому, были добавлены Петри в 1903 г. в ходе работы по созданию описи коллекции № 736. Эту границу можно легко определить по заметно изменившемуся почерку Е. Петри.

Принадлежность предметов № 505-30, 31, 32, как и в других случаях, была установлена по признаку их связи с рукописными этикетками на игральными картах. Соотнесение предметов № 505-31 и № 505-32 со старинными этикетками указанного типа («№ 59 Епонечка травяная / Амер. от Бема», «№ 63 Киса из корневых волокон выпле[те]нная / из Камчатки от Бема») не вызывает ни малейших сомнений. В то же время следует признать, что этикетка «№ 8 Ковер из мо[р]ской травы / Курильской» явно чужая для гавайской циновки № 505-30, несмотря на то что она очевидным образом относится к тому же ряду этикеток и подпадает под определение «ковра». Основываясь на том факте, что циновка № 505-30 не связана с упомянутой этикеткой, Л. А. Иванова исключает ее из числа куковских вещей Кунсткамеры [Иванова 2005: 167].

Однако функция, материал и качество изготовления данной циновки полностью отвечает строке «Ковер из травы плетеный» в Описи Бема. Причиной путаницы с этикетками стало сходство названий, единый тип этикеток и общность мест хранения, возможно, еще с конца XVIII в.¹ Сама возможность соотнесения ци-

¹ Примечательно, что вопреки наличию этикетки с «почерком Бема» Е. Петри так и не внесла в список коллекции № 505 тлинкитские накидки.

новки № 505-30 с этикеткой данного типа есть свидетельство того, что она находилась в здании Кунсткамеры уже с конца XVIII в. Чужая этикетка не означает, что сама циновка не принадлежит к коллекции Кука—Бема. Поскольку циновка, несомненно, очень старая, очень тонкой работы и «очень гавайская», она достоверно идентифицируется как «ковер» из Описи Бема. Отрицая этот факт, Л. А. Иванова указывает на «Сандвичевскую рогожку» под № 32 в реестре Ю. Ф. Лисянского 1806 г. [Там же]. Однако доказать, что циновка № 505-30 является «рогожкой» Лисянского, гораздо сложнее, чем доказать, что она является «ковром» Бема. Ошибки, связанные с отождествлением «рогожки» то с образцом маорийского плетения (№ 750-3), то с образцом микронезийского ткачества (№ 750-17), на которые указывает Л. А. Иванова, вообще не имеют ни малейшего отношения к вопросу идентификации циновки № 505-30, а если и имеют, то являются косвенным подтверждением версии Е. Петри.

По словам Л. А. Ивановой, несколько других предметов, идентифицированных Руссовым, впоследствии вновь утратили связь с Описью Бема [Иванова 2007: 25]. На самом деле Петри убрала из списка Руссова только один предмет, а именно: «23. Мушельный нарукавник», отсутствующий в описи коллекции № 505. Опахало № 505-2 (По Описи Бема, «7. Опахало из черных длинных перьев на подобие метлы») сохранило свою идентичность. Тем более что на этикетке «№ 38 Опахало / Амер. от Бема» сам Руссов в качестве подзаказки поставил карандашом цифру «7».

Что же касается предмета № 505-27 (№ 37 по Описи Бема), который Л. А. Иванова также исключает из числа куковских вещей, то он может и не быть инструментом для татуировки, на чем она особо настаивает [Иванова 2005: 241–242]. Английские моряки могли ошибаться относительно его назначения. Важно то, что это именно тот предмет, который они подарили Бему. По внешнему виду он полностью отвечает определению в Описи Бема: «Инструмент на подобие гребешка».

Принадлежность тонганского гребня № 505-23 к куковской коллекции Кунсткамеры Л. А. Иванова определяет наличием тек-

Вероятно, ее пометка относится к самому раннему этапу работы, и впоследствии, уже в процессе составления описи № 505, она отказалась от этой идеи.

стовой этикетки XVIII в. «№ 55 Травяной гребень / Из Камчатки от Бема» [Там же: 222]. По ее мнению, куковское происхождение второго тонганского гребня № 505-22 не подтверждается ни текстовой, ни номерной этикеткой XVIII в. (о номерных этикетках см. ниже), следовательно, он мог попасть в собрания академии, как она считает, от «другого лица (например, И. Биллингса)» [Там же]. Однако, во-первых, отсутствие старинных этикеток может означать их утрату, а во-вторых, утверждать, что этот гребень поступил от Биллингса, можно только в том случае, если существует абсолютная уверенность в невозможности найти список предметов, привезенных его экспедицией. Выше нам уже приходилось говорить, что этот список не так трудно обнаружить в СПбФ АРАН. Каких-либо упоминаний об океанийских вещах и тем более травяных гребнях в нем нет. Таким образом, все попытки Л. А. Ивановой подвергнуть сомнению результаты реконструкции Е. Петри основаны на предвзятом мнении или просто на незнании архивных документов.

Отдельный случай представляет «Намет двойной для палатки», идущий под номером 30 в Описи Бема. Согласно примечанию Петри (см. сноску на с. 113 Журнала Этнографического музея), этот предмет был включен в объединенную коллекцию тап № 737. Соответствующий образец тапы нетрудно вычленить среди других образцов по его описанию в Описи Бема, что в свое время было сделано Л. Г. Розиной (см. ниже)

В примечании к описи коллекции № 505 Е. Петри пишет: «№№ 2 и 3 уничтожены за негодностью. Остались невыясненными №№: 4, 21, 23, 27, 29, 30, 32; из № 35: костяные две меньшие уды; №№: 36, 38, 40, 41, 42». В связи с этим особенно любопытными кажутся две детали. Против строки в Описи Бема «32. Низка корольков» ею был поставлен номер «34», что должно означать идентификацию данного предмета, но в опись № 505 предмет под этим номером так и не вошел. Против строки «35. 5 уд из коих одна деревянная большая и 4 костяных по меньше» читаем: «(найденны только две (роговья?) и то без ближайшей достоверности) Е. Л. Петри». Таким образом, Петри сомневалась относительно куковской идентификации двух рыболовных крючков № 505-25 и № 505-26. При этом она ставила знак вопроса по поводу материала, из которого изготовлены эти предметы. В данном случае «роговья» означает «не костяные», следовательно, предметы

№ 505-25 и № 505-26 были отнесены к числу куковских вещей за неимением альтернативы.

Сомнения Петри относительно материала, из которого сделаны эти крючки, а следовательно, относительно их принадлежности к куковскому поступлению 1780 г., были проверены во время геолого-минералогической экспертизы в 1975 г. Как гласит заключение, «рогового вещества», слагающего панцири черепах, обнаружено не было, но было установлено, что материал крючков является разновидностью арагонита (см. вложение в описание коллекции № 505). По мнению автора заключения, исследуемые крючки сделаны из створок крупных раковин моллюсков, обитающих в теплых водах, поскольку биогенный арагонит, идущий на их постройку, осаждается из растворов при температуре выше 25 градусов по Цельсию. Нам кажется, проще предположить, что крючки выточены из черного коралла, в состав которого входит именно арагонит.

Ни в одном из известных списков предметов, поступавших в собрания Академии наук или Адмиралтейского департамента, такие крючки не значатся. В то же время в Описи Бема четко сказано, что четыре «уды» были сделаны из кости. Поэтому пока единственной альтернативой предметам № 505-25 и № 505-26 в качестве решения проблемы четырех костяных уд из Описи Бема являются костяные рыболовные крючки № 3529-48 и № 4087-14, если учитывать обстоятельства их обнаружения среди безномерных предметов из старинных коллекций МАЭ (см. пояснения С. Штернберг в описях № 3529 и № 4017). Полный аналог этих крючков входит в состав куковской коллекции в Херрнхуте под инвентарным № 68673 (см.: [Augustin 1993]).

Если не вдаваться в детали, коренное отличие реконструкции Петри от реконструкции Руссова заключается в безоговорочном отнесении к числу предметов, поступивших в Кунсткамеру 1780 г., трех гавайских крутых накидок под № 505-17, 18, 19. Речь идет об их сопоставлении с «тремя зефирами из красных и желтых перьев», под № 31 фигурирующими в Описи Бема. Вероятно, мы никогда не узнаем, чем, кроме метода подбора, руководствовалась Петри, настаивая на принадлежности этих накидок к вещам из коллекции Кука—Бема, зато мы абсолютно точно знаем, почему так не делал Руссов. Но это — особая тема, которой будет посвящен один из следующих разделов.

Таитянские тапы из коллекции Форстера—Кука (1777)

В литературе по истории МАЭ имя Кука принято упоминать также в связи с поступлением в 1777 г. трех образцов тапы от «господин Фортстера», то есть от натуралиста Иоганна Рейнгольда Форстера, участника второго путешествия Кука. Следовательно, принадлежность присланных им тап к куковскому наследию не оспаривается. В Журнале Этнографического музея (Журнале поступлений № 1 МАЭ) под 1777 г. есть запись: “3 Proben von Zeugen der Otaheiti von Morus Papyrifera eingesandt von Forster”. В соответствующем протоколе Конференции Академии наук инициалы дарителя отсутствуют, но, основываясь на косвенных данных (например, избрание в почетные члены Императорской Академии наук), можно вполне уверенно утверждать, что речь идет именно о Форстер-старшем (вместе с отцом в путешествии принимал участие его сын, Георг Форстер). Судя по некоторым признакам, такого же мнения придерживался Руссов.

В 1970-х годах Л. Г. Розина провела этнографическую экспертизу сборной коллекции тап № 737 («из старых поступлений музея»). Методом этнографических аналогий она определила три тапы, которые Форстер прислал в дар Академии наук в 1777 г. Интересно отметить, что в Академический музей Геттингенского университета от имени Иоганна Рейнгольда Форстера также до 1780 г. был послан образец (“sample”) таитянской тапы «низкого сорта» (“poor sort of material”) [Hauser-Schäublin, Krüger 2006: 22].

Три образца тапы Форстера Л. Г. Розина идентифицировала с тремя предметами из сборной 737-й коллекции: № 737-1, № 737-2, № 737-21. По определению Л. Г. Розиной, это очень ценные образцы старинных таитянских изделий: типута, коричневый кусок тапы (часть верхней одежды военачальника) и тапа, употребляемая в качестве предмета одежды знатью острова [Розина 1974: 99]. Методом сравнения с предметами из куковской коллекции Венского этнографического музея Л. Г. Розина определила принадлежность нескольких других тап из 737-й коллекции к вещам из куковского собрания 1780 г., а именно четыре гавайские тапы — № 737-14, № 737-16, № 737-17 и № 737-18. С меньшей уверенностью она писала о принадлежности к коллекции Кука (Бема) образцов тапы № 737-10 и № 737-15 и, наконец, «экспоната № 737-3 — терракото-

вой тапы с о. Таити» [Там же]. Здесь необходимо иметь в виду, что в действительности терракотовая тапа имеет номер «737-2», как и было отмечено Л. Г. Розиной в описи этого предмета [Там же: 74, см. также табл. II, III]. Во всяком случае в ее замечании по поводу «среднего коричневого куска тапы верхней одежды военачальника» (см. выше) речь идет о предмете под № 737-2. Напротив, тапа, фигурирующая в ее статье на стр. 99 под № 737-2, имеет действительный номер 737-3.

Как следствие, одна и та же терракотовая (коричневая) тапа сначала определяется Л. Г. Розиной как принадлежащая коллекции Кука 1780 г. под № 737-3, а затем — как принадлежащая коллекции 1777 г. под № 737-2. Эта, казалось бы, небольшая путаница с номерами лишает нас возможности рассматривать «систему уравнений» Л. Г. Розиной как имеющую только одно решение.

Будем считать, что Л. Г. Розина относила к коллекции 1777 г. именно терракотовую тапу. За исключением этой тапы, все другие, указанные Л. Г. Розиной в качестве «бемовских», происходят с Гавайских островов. Поэтому, сверяясь с Описью Бема, можно утверждать, что выделенный Л. Г. Розиной ряд соответствует прежде всего строке «27. Четырнадцать кусков материи на подобие набойки и холста, из лык деланной». Если в этом контексте сделать вполне логичное предположение, что все четырнадцать кусков являются гавайскими, то терракотовая тапа № 737-2 принадлежит к форстеровскому поступлению 1777 г. Но тогда в ряду форстеровских тап одна оказывается лишней (все четыре — фундаментально таитянского происхождения).

Этой «лишней» оказывается тапа № 737-3, которая по своим характеристикам легко идентифицируется со строкой «30. Намет двойной для палатки из темновишневой и желтой лычаной материи» в Описи Бема. Намет — накидка, чехол, покрывало, шатер, большая раскидная палатка (по Далю), или укрытие, навес, шатер, укр. намитка, то есть накидка (по Фасмеру). По двум указанным признакам, двухслойность и характер расцветки, вышеприведенное описание идеально подходит к тапе № 737-3. Ср. описание Л. Г. Розиной: «737-3. Аху (табл. II, 9). Продолговатый кусок двухслойной тапы, плотной, светло-желтого цвета, с орнаментом, сделанным красновато-малиновой краской» [Розина 1974: 74]. Других тап, в рассматриваемом отношении хотя бы отдаленно напоминающих предмет № 737-3, в МАЭ нет (и никогда не было). Факт, что данная тапа

в Описи Бема выделена в отдельную строку, не только говорит о ее особой ценности, но и подтверждает косвенным образом предположение об объединении четырнадцати других тап по географическому признаку, то есть по принципу разделения «гавайские — таитянские вещи». Не забывая о противопоставлении «целое полотнище — кусок полотнища», которое также присутствует в указанном делении, на открытие Л. Г. Розиной можно опереться при выделении куковских гавайских тап внутри коллекции № 737. Е. Петри при создании коллекции № 737 сделала два примечания к Описи Бема, скопированной в Журнале Этнографического музея, относительно того, что «куски материи из лык деланной» и «намет двойной» вошли в «список 737». С учетом порядка записи куски гавайской тапы должны помещаться в этом списке где-то между № 737-3 и № 737-21. Таким образом, путем исключения других образцов тапы по этнической принадлежности, функции и возрасту в данный момент можно уверенно (то есть документально) выделить несколько кусков гавайской тапы, принадлежащих к поступлению 1780 г.: № 737-10, 14, 15, 16, 17, 18, 19. Здесь мы добавляем к реконструкции Л. Г. Розиной только полоску тапы № 737-19, которая была оторвана от куска тапы № 737-16.

Вступая в заочную полемику с Л. Г. Розиной, Л. А. Иванова предлагает развернутую концепцию с целью доказать, что таитянская типута № 737-1 в действительности принадлежала капитану Генри Барберу [Иванова 2005: 249–257]. Вероятно, в рамках нашего исследования нет особого смысла вдаваться в подробности. Достаточно указать на два обстоятельства. Во-первых, никаких документов, подтверждающих ее гипотезу, она так и не нашла. Во-вторых, в своих построениях Л. А. Иванова исходит из прочтения старинной надписи железно-галловыми чернилами на подоле типуты, которую она представляет следующим образом: “Cap⁺ Barber / Otaheite Produce”, причем первую строку она читает как “Cap[!] Barber” (“Captain Barber”), принимая «крестик» за английскую букву «t» [Там же: 249].

Однако при некотором знакомстве с почерками и в целом с манерой письма того времени данную надпись гораздо проще читать как “Cap[&] Barbes”. То есть речь буквально идет об “Otaheite Produce” («таитянских товарах»), а именно: головном уборе таитянских вождей наподобие высокого колпака (cap) и нагрудных щитах *тауми* (barbes). Заглянув в старые английские словари, мы обнаружим, что

одним из значений термина “barbe”, или “barb”, является «плоеный нагрудник» (монахини). Можно найти и другие близкие значения, которые позволяли бы европейцу использовать это слово в качестве указания на щиты *тауми*. Здесь, кажется, все свидетельствует о причастности к приобретению типуты отца и сына Форстеров: и географическая принадлежность, и даже манера упаковки вещей при перевозках (упомянутые вещи были, вероятно, завернуты в типуту). Наконец, некоторые особенности написания букв позволяют даже предположить, что надпись на типуте № 737-1 сделана рукой Георга Форстера.

Номерные этикетки на предметах из коллекции Кука—Бема

В книге Л. А. Ивановой «Куковская коллекция Петербургской Кунсткамеры» (2005)¹ говорится об открытии ряда печатных номерных этикеток XVIII в., обнаруженных на нескольких вещах из коллекций № 505 и № 736. Этот ряд соответствует номерам в Описи Бема с отставанием на одну цифру, так как в Описи первым номером идут гравюры, сделанные по рисункам Ходжеса. Потому у нас нет никаких оснований возражать против того, что две тонганские палицы, № 736-253 и № 736-256, некогда включенные в опись коллекции № 736 как собрания вещей «из Адмиралтейского музея», на самом деле относятся к поступлению 1780 г.

На наш взгляд, подозрение относительно куковского происхождения палиц № 736-253 и № 736-256 в косвенной форме впервые было высказано А. Л. Кепплер еще в 1997 г. В составленном ею списке “Tongan Artefacts at the St. Petersburg Museum (Kunstskammer) Requested for the Tongan National Museum Exhibition 1998” рассматриваемые предметы по страховочной стоимости занимают среднюю позицию между артефактами, датируемыми XIX в., и артефактами, датируемыми XVIII в., то есть несомненно куковскими, в значении «вещи из коллекции № 505» (см. список “Tentative Evaluation for Insurance Purposes” [Архивные материалы отдела Австралии и Океании МАЭ РАН, 1997]). В списке, оглавлением которого служит

¹ В этой книге Л. А. Иванова, по сути, следует концепции своего каталога временной выставки МАЭ «Последнее путешествие капитана Кука» (сентябрь 2002 г. — июнь 2003 г.). См. архив выставок на сайте МАЭ.

предложение «В сентябре 1997 г. по просьбе принцессы Салоте эксперты Королевства Тонга (Адриенн Л. Кепплер, В. Мафи) помогли идентифицировать тонганские предметы в МАЭ» и представленном на заседании отдела Австралии и Океании, две тонганские палицы вообще не упоминаются [МАЭ РАН. К-І. Оп. 5. № 605]. Все это говорит о том, что открытие куковских предметов в палицах № 736-253 и № 736-256, как это часто бывает в науке, имеет довольно сложную структуру.

Не так давно С. А. Корсун по старинной номерной этикетке «45» идентифицировал предмет, упоминающийся в Описи Бема под названием «Модель Алеутской байдары». Как он пишет, «на основе изучения этикеток XVIII в. удалось выявить каркас модели алеутской байдарки (№ 2868-214)» (см.: [Корсун 2005: 90])¹. Справедливости ради следует все-таки отметить, что эта находка была сделана уже после публикации Л. А. Ивановой в 2002 г. вступительной статьи к выставке «Последнее путешествие капитана Кука (Куковская коллекция Кунсткамеры)» (2002), где она впервые обращает внимание на старинные номерные этикетки данного типа на куковских предметах из коллекции № 505, сопоставив их номера с номерами входных строк Описи Бема². В частности, она еще тогда указала на отставание найденных этикеток на один номер по отношению к Описи Бема (под первым номером идут гравюры Ходжеса).

К этикеткам рассматриваемого типа можно добавить номерок «33», который когда-то был снят с деревянного гребня № 505-21. В начале XX в. этот номерок был наклеен на карточку с временным номером «505e (?)» из карточного каталога К. К. Гильзена. Л. А. Иванова, по-видимому, не знала о его существовании к моменту выхода

¹ Возможно, и не существует особых причин полагать, что модель байдарки № 2868-214 вместе с двумя другими пока неопознанными предметами («Веревка сплетенная из жил» и «Алеутская рубашка из пузырей») была подарена Дж. Куку членами команды судна «Святой Евила» для передачи майору Бему. Однако представляется несомненным, что указанные три вещи были приобретены именно в то время (в октябре 1778 г.) и именно на о-ве Унимак. В Описи Бема прямо указано, «откуда получены» эти вещи: «из острова Унимак» (собственно куковские вещи упоминаются под общим наименованием «Из Приятного острова»). В данном случае факт географической выделенности этих вещей говорит сам за себя.

² *Иванова Л. А.* Вступительная статья [URL: <http://web1.kunstkamera.ru/exhibition/kuk/taiti/taiti1.html>].

в свет ее книги. Номерок «33» в печатных изданиях, вероятно, впервые упоминается в статье С. А. Корсуна, специально посвященной классификации старинных этикеток, сохранившихся на американских предметах МАЭ (см.: [Корсун 2007: 108]). Для наглядности общие итоги поиска номерных этикеток на предметах из коллекции Кука—Бема представлены нами в виде табл. IV с отображением отдельных строк Описи Бема (пояснения по поводу номерка «31» см. в конце главы):

Таблица IV

6.	Каменной топор с деревянным топорिशем.	5	505-28
9.	Опахало перьяное плоское.	8	505-4
15.	Деревянная булава с резьбою.	14	736-256
18.	Шишак из мелкого желтого и красного перья.	17	505-11
22.	Нагрудник из синяго перья обложенный белым мехом на подобие бахромы.	21	505-14
26.	Деревянной кинжал с лопаткою, которая обложена острыми зубами.	25	505-5
32.	Низка корольков.	31	№ 18м
34.	Два травяные и третий деревянной гребни.	33	505-21
35.	Пять уд, из коих одна деревянная большая и 4 костяных поменьше.	34	505-24
36.	Деревянная черная лопатка.	35	736-253
46.	Модель Алеутской байдары.	45	2868-214

В 1997 г. А. Л. Кепплер совместно с В. Мафи (Королевство Тонга) идентифицировала как старинные тонганские вещи флейту № 765-51, зарегистрированную в начале XX в. вместе с предметами из Южной Америки, и пояс № 2328-268¹ (см.: [МАЭ РАН. К-1. Оп. 5. № 605]). Данный пояс при регистрации в 1914 г. был включен в сборную коллекцию № 2328 вместе с другими океанийскими вещами «из старых поступлений», то есть с вещами, утратившими всякую связь с именем собирателя и временем своего поступления. Принадлежность этих вещей к наиболее старому «слою» собрания МАЭ при сопоставлении с фактом их этнографической принадлежности и маршрутами первых русских кругосветных плаваний делает

¹ В контексте истории поступлений МАЭ «тонганские» в данном случае означает «куковские».

две эти вещи несомненно куковскими. Ставя под сомнение результаты экспертизы Кепплер, Л. А. Иванова, видимо, не учитывает тот факт, что в конце XVIII — первой четверти XIX в. русские корабли не заходили на острова Тонга (см.: [Иванова 2005: 237, 238]). Тонганское происхождение этих вещей, при их соответствии Описи Бема, автоматически относит их к числу вещей из куковского поступления 1780 г. Иначе говоря, в контексте проведения работы по «сплошной инвентаризации» списков и каталогов Кунсткамеры конца XVIII в. (о результатах этой работы будет доложено ниже), их принадлежность к тонганской культуре является прямым, а не косвенным доказательством. Сказанное касается также тонганского гребня № 505-22, куковскую идентификацию которого Л. А. Иванова, опять-таки со ссылкой на возможную причастность Биллингса, почти категорически отрицает [Там же: 222].

В процессе атрибуции вещей из старинных поступлений довольно часто возникают ошибки, которые можно считать штатными. Разумеется, автор этих строк не стал исключением из правила. В статье 2006 г. при характеристике предметов, посылаемых на выставку “Pacific Treasures” (The Captain Cook Birthplace Museum, Middlesbrough), мною было отмечено, что Л. А. Иванова, пользуясь методом этнографических аналогий, идентифицировала ожерелье № 736-295 как предмет гавайского происхождения из третьего путешествия капитана Кука: «№ 39. Несколько ниток разного бисера» [Belkov 2006: 8]. В тот момент при стремлении показать динамику реконструкции куковских коллекций МАЭ было довольно трудно избавиться от общего впечатления предательски «гавайского» облика этого предмета. Как пишет Л. А. Иванова, «полный аналог предмета, опубликованный А. Кэпpler, атрибутирует ожерелье как гавайское» [Иванова 2005: 191].

Тогда предлагаемое Л. А. Ивановой решение казалось лежащим буквально на поверхности. Поэтому при составлении аннотаций каталога выставки было совсем несложно виртуально «сконструировать» это изделие из типичных гавайских материалов: *Vegatable fibres (Toucardia latifolia)*, *seeds (Plumbago zeylanica)*, *sea shell disks (Tridacna gigas (Linnaeus, 1758))*. Впоследствии, поскольку сомнения все-таки оставались, это ошибочное представление сыграло роль «полезного дурака», спровоцировавшего исследование в этом направлении, и в конечном счете привело к точной идентификации рассматриваемой вещи именно как «не-куковской».

Причина в том, что в 2006 г. наше обращение к гипотезе Л. А. Ивановой о гавайском происхождении предмета № 736-295 было мотивировано еще двумя обстоятельствами. Во-первых, как тогда представлялось, в сопроводительных списках участников русских кругосветных плаваний предметы подобного рода вообще не упоминаются. Например, с точки зрения современного русского языка предмет № 736-295 гораздо естественнее сопоставить со строкой «Несколько низок разнога бисера» в Описи Бема, чем со строкой «Наряд Калифорнских индейцов» в реестре вещей, отданных В. М. Головниным в Музею Адмиралтейского департамента в 1819 г. [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 764. Л. 4—5].

Возможно, подобное сопоставление с гавайскими вещами выглядело бы не столь очевидным при привлечении дополнительных ресурсов. В частности, сравнение ожерелья № 736-295 с калифорнийским ожерельем № 2868-47 из сборов В. М. Головнина, подаренным Академии наук в 1819 г., демонстрирует идентичность семян, из которых они составлены (по коллекциям В. М. Головнина см. главу 7). Кроме того, в русском языке конца XVIII — начала XIX в. одним из значений слова «наряд» было «украшение». Эту информацию можно почерпнуть у самого О. П. Беляева, который в свое время был известен не только своими книгами по собраниям Императорской Кунсткамеры, но и многочисленными упражнениями в области поэтического творчества (ср.: «Там все в убранстве и наряде, / А вы идете не в параде»; «Стал убираться, / И наряжаться» [Беляев 1794: 14—15]).

Во-вторых, в Музее Адмиралтейского департамента печатные этикетки на предметах появились за несколько лет до того, как была составлена Ведомость Бестужева (см. главу 5). При неверном толковании слова «наряд» в значении «облачения» или «одеяния» вполне можно было сделать ошибочный вывод о том, что старинные этикетки «No. 205» и «№ 38», вклеенные в опись № 736, не могли принадлежать одному и тому же предмету. Этикетка «No. 205» наклеена на рукописную этикетку «№ 38», что провоцирует мысль о случайной связи между ними, возникшей в процессе снятия этикеток с предметов. Однако повторный анализ Ведомости Бестужева показал ложность подобных предположений. Таким образом, ожерелье № 736-295 происходит из коллекции В. М. Головнина, переданной в МГАД в 1819 г., и абсолютно надежно сопоставляется со строкой «Наряд Калифорнских индейцов» как по собственному

списку В. М. Головнина (навесная рукописная этикетка «№ 38»), так и по Ведомости Бестужева (печатная «узкая» этикетка «№. 205»).

На фоне многолетних «раскопок» автора в фондах МАЭ весьма перспективной выглядит концепция Дэвида Аттенборо, основанная на поразительном сходстве двух предметов рапануйского происхождения из МАЭ с рисунками из альбома, принадлежавшего одному из спутников Кука, Исааку Смиуту. Сходство действительно очень велико. Трудно отказаться от мысли, что эти предметы покинули остров Пасхи вместе с экспедицией Кука в 1774 г. В целом рассуждения Д. Аттенборо относительно двух рапануйских фигурок (№ 736-204 и № 736-205) не только не противоречат русскоязычным источникам и документам конца XVIII — начала XIX в., но даже косвенно ими подтверждаются. Во всяком случае версии, согласно которым эти фигурки могли быть приобретены Повалишиным (1804) или Коцебу (1815) и тем более Беллинсгаузеном (1820), полностью отпадают. Дальнейшие исследования (см. ниже) показали, что рапануйские фигурки из МАЭ были привезены в Санкт-Петербург из Лондона в 1809 г. известным коллекционером того времени, корреспондентом Академии наук Л. С. Вакселем. В 1807 г. Ваксель передал в Академию наук образец маорийской резьбы (предмет № 736-120). Время, место и некоторые другие обстоятельства приобретения этих предметов могут указывать на то, что они являются частью куковского наследия в широком смысле слова (см. главу 6).

Сделаем еще одно добавление. Часто перевод с русского языка XVIII—XIX вв. оказывается труднее, чем перевод с иностранного. Л. А. Иванова переводит строку «23. Мушельный нарукавник» в Описи Бема как «браслет из раковин» [Иванова 2005: 55]. Если она имеет в виду гавайские парные ножные браслеты (*leglet*), которые изготавливали, присоединяя к плетеной основе собачьи зубы, мелкие раковины или крупные семена растений, и привязывали во время танцев к голени наподобие отворотов ботфортов, то это не единственная и не самая правильная версия перевода. Описание Бема почти наверняка является переводом с немецкого, и рассматриваемая строка характеризует материал, а не класс вещей¹. В этом случае думать следует не

¹ Например, выражение «убор солдатской» является калькой с немецкого “Soldatenkleid” в значении «военное обмундирование, мундир» или “Soldatenrock” — «(солдатский) мундир».

о «браслете из раковин» (ср.: “Eine Weiberschütze aus Muscheln gemacht” в “Catalogus der Kunstsachen 1775” в Херрнхуте), а о «браслете из раковины». В коллекции № 736 под это определение подпадает только предмет № 736-98, массивный браслет, вырезанный из основания раковины (*Conus spondilus?*). Среди куковских вещей мы находим аналог этому браслету только в геттингенской коллекции. Согласно каталогу выставки 2006 г., данный предмет происходит с Новых Гебрид (совр. Вануату), на которые Кук заходил только во время второго путешествия [Cook’s Pacific Encounters 2006: fig. 318].

В этом пункте мы вроде бы должны сделать вывод о том, что браслет № 736-98 не мог входить в состав вещей, подаренных Бему капитаном Клерком. Однако при знакомстве с изданием геттингенской коллекции 1998 г. из текста Фолкера Хармса в каталоге мы узнаем, что в каталоге дилера Хамфри (Humphrey), продавца этой вещи, двойнику браслета № 736-98 приписывается иное происхождение: «Браслет, выточенный из основания большой раковины *Trochus [Zebra]*, носился на запястье руки жителями Дружеских островов (Friendly Islands)» (см.: [Hauser-Schäublin, Krüger 1998: 333]).

Составители каталога считают, что определение Хамфри можно признать ошибочным с позиции современных знаний о традиционной тонганской культуре. В связи с этим они приводят слова Феликса Шпайзера, специалиста по материальной культуре островов Новые Гебриды и Банкс, который подчеркивал, что браслеты из раковины *Trochus sp.* встречаются на нескольких островах, входящих в состав Новых Гебрид и островов Банкс [Ibid.]. Таким образом, реатрибуция браслета из геттингенской коллекции основана только на том факте, что на Тонга браслеты подобного типа не встречаются, но являются распространенным явлением на Новых Гебридах. Кроме того, из русских мореплавателей Новые Гебриды никто не посещал, кроме Головнина, но он подобных предметов не привозил. Его небольшая коллекция, подаренная Музеуму Адмиралтейского департамента в 1816 г., достаточно хорошо известна по его собственному реестру [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 557. Л. 2]. Ни одна из представленных в нем вещей не читается как браслет из раковины. Нет упоминаний о таких вещах и в сопроводительных списках других коллекций, смешавшихся в коллекции № 736, в составе которой мы находим только один предмет, аналогичный браслету из Геттингена, а именно браслет № 736-98. Круг замыкается на «му-

шельном нарукавнике» из Описи Бема. Парадокс заключается в том, что два упомянутых браслета не являются для нас тонганскими порознь, но могут стать таковыми, если их объединить именем Кука. В настоящее время такое решение можно считать наиболее близким истине.

Наконец, на документальных основаниях к реконструированной части коллекции Кука–Бема можно добавить «плод какого то растения», найденный в 1912 г. К. К. Гильзенем среди коллекций из Южной Америки (присвоив этому предмету временный номер «18м», Гильзен посчитал его относящимся к поступлению из Мексики в 1783 г.) [СПбФ АРАН. Ф. 46. Оп. 1. № 80. Л. 2]. Прилагаемый рисунок позволяет уверенно говорить, что этот плод является не чем иным, как остатком гавайского ожерелья, а этикетка «31», относящаяся к типу этикеток с «выдавленным» шрифтом, не оставляет никаких сомнений: перед нами остаток «низки корольков» из Описи Бема под № 32. Этот же предмет фигурирует в Каталоге Алексева (см. главу 4) в статье «Одежды и Уборы Мордвитян» под названием «из косточек мелких белых нитка», что позволяет точно нарисовать, как этот предмет выглядел в момент поступления в Кунсткамеру в 1780 г. (см. каталог Кепплер “Artificial Curiosities” 1978 г., рис. 140). Таким образом становится понятно, почему этот предмет остался лишь номером «34» в пометках Е. Петри на копии Описи Бема из Журнала Этнографического музея, но не был внесен ею в описание № 505.

Решение проблемы «Низки корольков» в списке Бема также позволяет понять, почему он разделял понятия «корольки» и «бисер» и, следовательно, что за предметы стоят за строкой «Несколько ниток разного бисера», которым должен соответствовать утраченный номерок «38». Мы находим эти предметы в коллекции № 736 в виде украшений из мелких ракушек и кружочков с зазубренным краем, выточенных из раковин, соответственно, под № 736-259, 260 и № 736-282, 283, 284. Если точная этническая привязка ожерелий из морских улиток¹ в настоящий момент не представляется возможной (хотя выбирать приходится, скорее всего, между Тонга и Гавайями), ожерелья из перламутровых дисков можно определить как происходящие с островов Общества или из сопредельного региона Астральных островов (см.: [Pacific Jewellery 2004]).

¹ Возможно, эти предметы являются ножными браслетами (leglet).

Теперь можно попытаться идентифицировать содержимое «длинного футляра», согласно Описи Бема, указав на копьа № 736-206 и № 736-53. Первое соответствует наименованию «Королевское копье» (№ 47/46), второе — наименованию «Королевская охотничья стрела» (№ 48/47). Размышляя над тем, как могли выглядеть предметы под этими названиями, методом комбинаторного анализа приходишь к выводу о том, что «Королевское копье» представляет собой копье с о. Руруту (Астральные о-ва), вероятно, приобретенное (и, возможно, изготовленное по образцам с Руруту) на Таити, а «королевская охотничья стрела» — типичное тонганское копье. Во-первых, в таком сочетании по форме наконечника они в наибольшей степени соответствуют европейскому представлению о «копье» и «стреле». Во-вторых, в книге Беляева есть упоминание о двух копьях: «Два длинных копия, из коих одно состоит из красного весьма искусно выполированного дерева, и употребляемое Американскими владельцами; а другое по меньше из черного, как кажется, весьма увесистаго дерева» [Беляев 1800, II: 239]. Это примерно соответствует цвету древесины и относительной длине предметов № 736-206 и № 736-53.

Безусловно, теоретически невозможно методом аналогий выделить «черное» тонганское копье среди нескольких десятков фиджийских копий, привезенных экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена в 1822 г., и «красное» копье среди «разных орудий диких народов», поступивших в МГАД в 1825 г. от М. П. Лазарева [РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. № 1207. Л. 160]. Однако, зная, что два куковских копия находятся внутри коллекции № 736, и держа в уме их относительную длину, методом исключения копий с этикетками МГАД (см. ниже) можно понизить размерность до нескольких предметов. В нашем случае, с учетом всех указанных факторов, результатом последовательного вычитания оказываются только два копия под № 736-206 и № 736-53. Отметим, что, с одной стороны, копье № 736-206 по форме пера наконечника и рукояти, а также богатству орнамента уникально в сравнении с известными образцами копий (точнее, палиц) с о. Руруту, а с другой — копье № 736-53, напротив, выглядит типичным на фоне тонганских копий из куковских коллекций.

Оставляя за собой право вносить в будущем иные поправки или добавления, в том числе в собственные построения, подчеркнем, что в данный момент нашей непосредственной задачей не является максимально полная реконструкция поступления Кука—

Бема. Такая реконструкция потребует гораздо более широкого обоснования. Пока нас интересуют только те моменты, которые выступают в роли «сюжетообразующих мотивов» по отношению к общей концепции коллекции № 505, воссоздание которой Руссов начал в 1870-е годы, а Е. Л. Петри завершила в 1899–1903 гг. Один из таких ключевых «мотивов» подробно рассматривается в следующей главе.